

Владимир Фомичев
Человек и история
книга четвертая

**МОСКВА
КОММУНАЛЬНАЯ
ПРЕДОЛИМПИЙСКАЯ**

Человек и история

Владимир Фомичев

**Человек и история.
Книга четвертая. Москва
коммунальная преодолительская**

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

Фомичев В.

Человек и история. Книга четвертая. Москва коммунальная предолимпийская / В. Фомичев — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», — (Человек и история)

Четвертая книга мемуарных воспоминаний из серии «Человек и история» рассказывает о профессиональной деятельности автора на ряде знаковых объектов Москвы в преолимпийские 80-е годы. Это и жилой район «Черемушки», бывший в свое время образцово-показательным объектом в сфере жилищного строительства, и не менее легендарный спортивный комплекс «Лужники», и автомобильный гигант АЗЛК.

Содержание

Глава 1. Крыша над головой	5
Глава 2. Технологический отдел	7
Глава 3. Командировка в Киев	9
Глава 4. Новинки библиотеки	11
Глава 5. Новые веяния в проектировании	12
Глава 6. Новый цех	13
Глава 7. Проект цеха – в работе	15
Глава 8. Мои сотрудники	16
Глава 9. Запуск нового цеха	17
Глава 10. Командировка в Москву	19
Глава 11. Затянувшаяся командировка	21
Глава 12. Новый житель Москвы	22
Глава 13. С Ленинградского на Ленинский	24
Глава 14. Командировка в Донецк	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Фомичев

Человек и история

Книга четвёртая

Москва коммунальная преодолительская

Глава 1. Крыша над головой

*Не скажу, что интересно
Детство, юность вспоминать:
Было как-то серо, пресно,
Невпопад, где неуместно
После драк лежать, стонать,
Вспоминать родную мать.
И потом годов не лучших
Предстояла череда.
На земле, не в райских кущах
Ел и пил не без вреда.
Где усы, где борода,
Нудный пресс от власть имущих?
Время выпало как раз —
Пожалеть себя сейчас!*

После сокращения с асфальтобетонного завода у меня имелось время на раздумья. Возвращаться на завод с наступлением строительного сезона не было никакого желания, поскольку от вынужденного увольнения остался неприятный осадок. Теперь пока не было ни работы, ни жилья. Пришло время, когда надо было подумать о крыше над головой. Сестра с мужем сами находились в стеснённых бытовых условиях (проще говоря, комната в общежитии).

Однажды, гуляя от нечего делать по городу, я решил навестить свою тётушку, которая проживала в центре – как раз там, где я прогуливался. Набрал гостинцев в гастрономе – с пустыми руками в гости не ходят. Был уже вечер (правда, не поздний), и мне быстро открыли дверь. Я нисколько не преувеличу, сказав, что радость тётушки была очень искренней. Да и по натуре она была человеком очень добрым, отзывчивым.

Ещё большую радость проявил её сын. Ещё бы – вместе росли, дружили, вместе ходили в школу, сидели за одной партой. Я ему, по науськиванию старших ребят, для их потехи разбивал кулаком нос. На что в ответ он мне разбивал голову какой-то железкой. Насладившись кровавой разборкой, великовозрастные садисты расходились. Мы же с Толиком, сопливо всхлипывая, бежали по домам – залечивать кровавые раны. Был у тёти Поли ещё один сын – Виктор, с которым я дружил в ранней юности. На тот момент он был уже женат и жил со своей семьёй в отдельной квартире.

Тётка получила квартиру на троих, а теперь они жили в ней вдвоём, так что свободного места было хоть отбавляй. Узнав о моей неустроенности в смысле жилья, она тут же объявила, к большой радости сына, что я буду теперь жить здесь, у них. Вот так неожиданно решилась моя жилищная проблема.

Рано утром тётя Поля с Толиком уходили на работу (они работали в одной организации), а я, отлежавшись всласть, съедал оставленный мне завтрак и не спеша отправлялся на прогулку. Фильмы, которые шли в кинотеатрах, все были мною просмотрены. Изучать их наизусть нужды не было.

Все достопримечательности – такие как крепостная стена, памятники старины, музеи, соборы – мною давно были дотошно обследованы. Под окнами тётушкиного дома была небольшая асфальтовая площадка – на неё ровно в одиннадцать часов выбегали парни и девушки и начинали разминаться с волейбольным мячом. Тогда было заведено (и на это отпускалось время) делать производственную гимнастику. Правда, каждый использовал это время, как хотел. Закончив гимнастику, физкультурники поднимались на крыльцо соседнего здания, на котором виднелась какая-то табличка.

Как-то раз, проходя мимо, я остановился перед этой вывеской – полюбопытствовать, что она обозначает, а заодно и покурить. На высоком крыльце, опершись о перила, стоял парень. Видя, что я закуриваю, он попросил у меня сигарету. Я поднялся к нему на крыльцо, угостил сигаретой и, кивнув на вывеску, спросил, что обозначает аббревиатура из трёх букв: ГПИ. Парень тут же услужливо всё мне растолковал: это Государственный проектный институт.

– А что он проектирует? Конечно, если это не секрет.

– Да какой тут секрет: проектируем в основном промышленные здания и сооружения.

Тут на крыльцо вышли ещё несколько ребят и попросили у моего собеседника закурить. Тот кивнул на меня: сам стрельнул. Я угостил и их и ловко щёлкнул зажигалкой, которую приобрёл ещё в Москве. Это всем понравилось. Мой первый собеседник продолжал:

– Здесь у нас несколько отделов: строительный, электротехнический и сантехнический. А у вас какая специальность? – обратился он ко мне.

Я объяснил, что у меня специальность тоже техническая, но только совсем специфическая. Тут в разговор встрял другой сотрудник:

– Кстати, о музыке, – начал он. – У нас собираются открывать технологический отдел. А у него будет настолько широкий профиль, что специалистов по каждому профилю замучаешься искать.

В это время к нашему крыльцу приближался дородный мужчина.

– Г. Ляхов идёт – вот мы у него сейчас и спросим насчёт технологического отдела.

– Странная какая-то фамилия: Г. Ляхов, – удивился я.

– Да нет, фамилия у него Ляхов, просто он подписывается так: ставит «Г, точка, Ляхов».

Все его теперь так и называют.

С ним поздоровались и тут же задали вопрос насчёт технологического отдела.

– Распоряжение насчёт открытия есть, теперь нужно кадры подбирать.

– А мы Вам рекомендуем вот этого специалиста, – и указали на меня. – Технолог, можно сказать, по рождению, не только по образованию!

После такой внушительной аттестации Ляхов окинул меня взглядом и предложил: «Зайдите ко мне». После перекура меня подвели к кабинету с табличкой: «Главный инженер Г.М. Ляхов». После непродолжительной беседы Ляхов сказал мне: «Приходите с документами. Если всё согласуем, будете у нас работать. Перспективы у нас имеются».

Глава 2. Технологический отдел

Дом, в котором я жил, находился рядом, и я в тот же день был оформлен на работу. Помещения для технологического отдела ещё не было, и меня приютил руководитель группы Гена Рыков. У него нашлось свободное место со столом и кульманом. Его группа была сплошь женская, и он очень завидовал другому руководителю группы, у которого были в основном ребята. Группы эти входили в строительный отдел. Рыков тут же начал меня агитировать, пытаясь переориентировать мою специализацию:

– Ну дались тебе эти технологические заморочки! В строительном проектировании ничего сложного нет, и ты через неделю это поймёшь.

Я искренне благодарил его за предоставленное место в его группе – «в цветнике», как ехидничал руководитель другой группы, Олег – друг и соперник Гены. Однако переходить в его группу в качестве строителя-проектировщика вежливо отказывался. Пока технологический отдел существовал только на бумаге, но в моём лице уже был первый специалист этого отдела и мне тут же прицепили кличку Технолог. Я довольно долго существовал под этим псевдонимом. Что мне делать и чем мне заниматься, я не знал (да и никто не знал). Так что спросить было не у кого. Я стал размышлять: кому-то пришла мысль организовать технологический отдел. Это могло произойти по аналогии с другими институтами. Раз там есть – давай, и мы заведём! Или же столкнулись с необходимостью иметь технологический отдел.

Сам государственный проектный институт ГПИ находился в Москве, здесь же было только его отделение, как бы усечённое. Теперь это пытались восполнить. Узнав, что появился технологический отдел, пусть даже только в моём лице, главные инженеры проектов – ГИПы – складывали на мой стол альбомы типовых проектов, их технологическую часть, а также копии проектов заданий объектов, находящихся в работе. Поначалу лавина этой проектной документации казалась мне несокрушимой, а невозможность умственно охватить всё и сразу чуть не привела меня на грань отчаяния. Я даже усомнился в своих способностях и возможностях, но быстро огляделся, разобрался, в чём дело, и успокоился, тем более что никто меня не понукал, не торопил. Ознакомился я и с работой смежных отделов. Они просто брали типовой проект, который находился в полном соответствии с проектным заданием, и делали «привязку», корректируя кое-где по мелочам. Это была работа ведущего инженера. Затем экземпляр этого типового проекта, привязанного и скорректированного, передавался технику, и тот делал разноску на остальных экземплярах, числом в среднем около пяти. Я всю эту работу делал сам, поскольку находился в единственном числе.

Прошло не так уж много времени, как взяли на работу начальника технологического отдела по фамилии Брандорф. До этого он работал главным инженером предприятия по производству строительных материалов. Он привёл с собой женщину по фамилии Манойленко, которая не захотела расставаться со своим начальником, когда его интригами (как он сам признался) вытеснили с должности и с предприятия. А раз появился начальник, то вскоре появилось и помещение с табличкой на двери: «Технологический отдел». Я тут же переселился на своё законное место, накрыв предварительно «поляну» для Рыкова и его группы, – поблагодарил их за радушие.

Мой новый начальник был солидным человеком, имел полагавшийся начальнику толстый живот, начальственную осанку, а оттого – и одышку. Первое время, с некоторой моей помощью, он постиг цели и задачи технологического отдела. Потихоньку начали появляться и другие специалисты. Они также не спеша стали осваивать премудрости проектного дела. Каждому предоставили кульман и стол, а также листы ватмана и прочие чертёжные принадлежности: карандаши, резинки и разные мелочи. Чертили все новобранцы технологического отдела прескверно. Да и сам Брандорф плохо разбирался в чертежах, особенно тех, которые испол-

нялись не очень умело. Пока что выручали привязки альбомов типовых проектов. Но так как типовые проекты были уже давно разработаны всякими НИИ, а время шло, то они устаревали. Требовались не только привязка типового проекта и лёгкая корректировка, а более солидное проектирование, разработка новых, более производительных технологических линий. Всё это вело за собой расчёт других потребностей и коммуникаций.

Глава 3. Командировка в Киев

Как-то раз главный инженер проекта Лившиц долго о чём-то беседовал с Брандорфом, после чего тот попросил меня подойти к их столу, то есть присоединиться к их обсуждению. Для проектного задания, которое получил Лившиц, сколько ни бились, ни искали, так и не нашли типового проекта. Однако Лившиц через свои связи выяснил, что в каком-то киевском НИИ подобный проект уже существует. Если этот вопрос пустить на самотёк, надеясь на почту и официальные запросы, дело затянется неизвестно на какой срок и неизвестно, будет ли от этого прок. Поэтому тут же нашли решение: послать за этим типовым проектом меня, снабдив всевозможными гарантиями оплаты, – короче, как в присказке: чемодан – вокзал – Киев.

Первый день я не мог от этих «киян» (работников НИИ) добиться ничего вразумительного. Они долго и молча слушали монологи гостя и, ничего мне не ответив, продолжали заниматься своими делами. Правда, попадались и более вежливые служащие. Когда им надоедали мои вопросы, то они отвечали: «так-то ж не ко мне» или: «а бис его знает». Я походил по довольно просторным помещениям этого умственного напряжённого созидания, но особого трудового энтузиазма не заметил. Правда, моё внимание привлёк один труженик, только не своим видом, а тем, как он работал. На кульмане был прикреплен не ватман, а калька, причём калька для работы на ней тушью. По такой кальке копировщики работают рейсфедерами на чертёжных досках. А этот малый чертил предметом, более похожим на авторучку, и на кульмане!

– Это что у Вас? Чем Вы чертите? – залюбовавшись чертёжным инструментом, полюбопытствовал я.

– А... – промычал тот, – это рапидограф.

– А я смотрю, им очень удобно работать, – похвалил я.

– Ещё бы! Очень много экономит времени, им только приспособиться надо. Не у каждого может и получиться. А так сделал чертёж – и сразу в бюро оформления! Не нужно тупить карандаши о ватман, а самое главное – минуешь копировальный отдел, куда всегда очередь, а потом замучаешься ошибки копировальщиков исправлять!

– А где можно купить эти рапидографы?

– А нигде, – ответил мой собеседник. – Делает их тут небольшая мастерская, почти полностью закрытая. Распространяет только по своим знакомым – как говорится, по благу, чтоб не инкриминировали им частное предпринимательство.

Я заметил на его столе небольшой пенал, где находились ещё два рапидографа; третьим он работал.

– А зачем Вам сразу три рапидографа?

– А затем, что каждый из них имеет разную толщину, что необходимо для черчения линий разной толщины, – и он посмотрел на меня, как старослужащий на новобранца.

Но вдруг его цепкий взгляд остановился на мне, точнее – на лацкане моего пиджака, где переливался всеми цветами радуги значок, недавно подаренный мне со словами: «значок очень редкий, так как выпущен всего в нескольких экземплярах».

Я едва среагировал на резко протянутую руку моего собеседника, с которым мы тут же познакомимся. Звали его Гриша. Он как-то лихорадочно забормотал: отдай, продай, поменяй – всё, что хочешь. Гриша оказался фанатичным коллекционером значков. Я носить значки не любил, не говоря уже об их коллекционировании. Видя такую неистовость Гриши, я решил этим воспользоваться.

– А ты достань мне рапидографы – конечно, не бесплатно.

– А ты хочешь – забирай, вот эти мои, – сказал Гриша.

– Зачем же? Мне рапидографы новые нужны.

Тогда Гриша, чтобы не упустить случай и не искушать судьбу, предложил мне своё место и сказал: «Жди, никуда не отходи, я сейчас». Только я его и видел. Как он внезапно исчез, так же внезапно и появился.

Одной рукой он протянул мне запечатанный пенал, а другой потянулся за значком. Я снял его и протянул Грише. Обмен состоялся.

– Сколько с меня? – спросил я.

– Обижаешь! Это же «ченч».

– Не хочешь брать деньги – отдавай значок.

Гриша назвал сумму, и я расплатился.

Гриша открыл свою тумбочку и достал оттуда флакон с тушью.

– Эта тушь импортная; только ей и пользуйся, иначе забьёшь рапидографы.

По его предложению мы тут же прошли в небольшой бар.

– Вещь необмытая – скоро портится, – произнёс Гриша первый тост.

Он несколько раз доставал значок, любовался им, и в его глазах отражалась излучаемая значком радуга. Когда Гриша узнал цель моего приезда, он не раздумывая сказал: «Ничего, всё устроим».

На другой день я получил желаемый типовой проект, и вечерний скорый поезд покачивал меня в мягком вагоне после успешно окончившейся командировки.

– Сам привёз – сам пусть и работает над ним, – поощрительно радовались Брандорф и Лившиц. Обсудили, откуда ветер дует.

– Да это Косыгин модернизацию производств затеял, так что это первая ласточка, – Лившиц кивнул на проект, который я привёз. – Тут старые типовые проекты малопригодны будут – придётся самим много проектировать.

Из-за использования типовых проектов работы в технологическом отделе (как и в других отделах) было немного. Так что свободного времени у меня было хоть отбавляй. К тому же Брандорф, чтобы я не мозолил ему глаза своим бездельем, поощрял меня: если тебе куда надо – иди. Так что часто, выполнив свою работу, я уходил. Только не в харчевню, в пивную или кафе, а в городскую библиотеку. Конкретно – в её технический отдел.

Глава 4. Новинки библиотеки

В эту библиотеку присылались технические новинки и проспекты, причём не только советские и стран народной демократии, но и из Франции, Италии, Австрии. Работников в техническом отделе было мало. Грудами лежали нераспечатанные кипы технической литературы. Я вскоре получил неограниченное доверие библиотекаря и стал помогать им в распаковке и разборке книг. Всё это я делал, конечно, не бескорыстно. Попадались очень важные справочные материалы, и библиотекаря, поощряя меня за мой труд, разрешали брать нужный мне журнал или справочник для ознакомления домой.

– Сделай милость, забирай! Их всё равно здесь складывать некуда. Да и спрос на них невелик, только пыль одна!

Так что в очень короткий срок у меня появилась небольшая библиотечка очень ценных технических новинок по многим отраслям народного хозяйства. Я имел представление о перспективе модернизации и брал не все книги и журналы подряд, а только самые необходимые – касающиеся строительной индустрии и моего профиля.

Насколько я оказался предусмотрительным, показало самое ближайшее время. Если кратко, то происходило вот что: приходил заказчик и приносил примитивное проектное задание.

– Вот, нам нужно слепить то-то и то-то, да и денег на это мало...

Глава 5. Новые веяния в проектировании

Мы привязывали ему какой-нибудь старый типовой проект и расходились к обоюдному удовольствию. Теперь же всё полетело кувырком. Госплан стал давать деньги, причём очень большие, но только на проектирование и сооружение больших производственных предприятий, заводов, фабрик и как неременное условие с применением передовых технологий на уровне мировых стандартов. Заодно произошла и кадровая чистка.

Получили отставку очень много застарелых министров, директоров, технически отсталых инженеров и, конечно, номенклатурных работников. В стране победившего социализма произошло заметное оживление.

На головы проектировщиков посыпались не убогонькие проектные задания, а весьма объёмные и требовательные. Применять старые типовые проекты стало невозможно. Почти всегда требовалось индивидуальное проектирование. Главные инженеры проектов в отчаянии хватались за головы.

– Как? Как это осуществить?

Начальники отделов стали нервными, даже раздражительными, чего никогда не случалось ранее в полусонной атмосфере их учреждения. Видя всё это, я похвалил себя за сообразительность. И очень скоро она реализовалась на практике.

В очередной раз Брандорф вернулся от главного инженера проекта. Но не один, а, как я понял, с заказчиком.

– Вот, – сказал Брандорф заказчику, – знакомьтесь, – и указал на меня. – Он будет работать над Вашим проектом.

Мне он сказал, как бы извиняясь:

– Здесь сложного ничего нет, почти одна привязка типового проекта. Кстати, они свой экземпляр проекта принесли.

Заказчик представился инженером-технологом комбината стройматериалов.

– Мы планируем построить новый цех. Вот по этому проекту, – он положил на стол типовой проект. – Нас он вполне устраивает, вот только необходимо заменить стан более мощным, импортным. Наша промышленность пока такие станы не выпускает. Нам уже и валюту на этот агрегат обещают.

Он торжественно положил передо мной на стол проспект этого агрегата.

– Всё это придумала наш главный технолог Элеонора. Очень толковая баба, пробивная!

Я быстро ознакомился с технико-экономическими показателями проекта, обратив внимание на производительность агрегата, заложенного в типовом проекте. Сравнил всё это с импортным аналогом и чуть ли не присвистнул от неожиданности:

– Прошу прощения, но зачем Вам нужен такой монстр с производительностью кратной в десятки раз, когда всё остальное технологическое оборудование не сможет справиться с производительностью этого вашего импортного агрегата?

– Был бы агрегат, а там что-нибудь придумаем!

– Как хотите, но я такую техническую безграмотность поощрять не желаю и проектировать подобное даже в насмешку не хочу! Вот так и объясните своей толковой Элеоноре!

Заказчик собрал свои бумаги и не прощаясь удалился.

Глава 6. Новый цех

– Ну что, всё в порядке? – полюбопытствовал Брандорф. Он был доволен, что обеспечил меня работой, а отдел – лёгким выполнением плана.

Я объяснил ему вкратце, в чём дело.

– Да сделал бы, как они просили, – и всё!

– Всё дело в том, что это пустая трата времени и денег. Нас могут обвинить в некомпетентности, то есть в непрофессионализме.

Брандорф, кряхтя, поднялся из-за стола и пошёл объясняться с главным инженером проекта.

Через день или два снова появился этот инженер-технолог, и прямо ко мне:

– У нас в десять часов совещание, так главный инженер приглашает проектировщика, чтобы разобраться в разногласиях с заказчиком.

Я посмотрел на часы: сейчас уже половина десятого.

– Мне главный инженер дал машину, так что успеем.

Предвидя такое развитие событий, я подготовил кое-какую техническую документацию, сунул её в портфель, и мы поехали.

В кабинете главного инженера за огромным столом сидели несколько человек. На столе лежал тот самый проект и ещё какие-то бумаги.

Главный инженер начал:

– Я на комбинате сравнительно недавно, многих тонкостей ещё пока не постиг, так что буду очень обязан, если вы, как проектировщик, объясните, в чём дело.

Он придвинул ко мне документацию, которая находилась на столе. Я, даже не притрагиваясь к ней, начал. Кратко объяснил несоответствие производительности основного агрегата остальной технологической цепочке. Сказал насчёт чего-то: «Из пушки по воробьям – оборудование, заложенное в типовом проекте, достаточно отсталое и кратко маломощное по сравнению с импортным агрегатом».

Проиллюстрировал свой монолог даже из поэзии: «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...», а здесь может даже получиться «слона и козу».

– Вам надо быть литератором, а не проектировщиком! – язвительно заметила присутствовавшая за столом женщина.

Её можно было назвать красавицей, но она себя считала ещё и очень умной. Главный инженер, более хладнокровный, предложил мне высказать свои предложения по этому поводу.

– Я предлагаю, – спокойно и неторопливо начал я, – отказаться вот от этого типового проекта и даже вот от этого болгарского агрегата, а приступить к проектированию вашего нового цеха не как типового, а как именно индивидуального проектирования, с внедрением нового технологического оборудования. Такого оборудования наша промышленность пока не выпускает, и когда она освоит выпуск такого оборудования, неизвестно. Так что тут вы на правильном пути. Нужно использовать оборудование импортное. Но только не какие-нибудь отдельные аппараты, агрегаты, а нужно закупить сразу всю технологическую линию. И к тому же не на выпуск какой-нибудь ординарной продукции, а на изготовление более широкого ассортимента на уровне мировых стандартов, чтобы она была конкурентоспособной не только в нашей стране, но и за рубежом. А это уже экспорт, это валюта. Так что вы обоснованно будете просить валюту на ваш проект.

– Ну прямо Остап Бендер! – уколола Элеонора.

– Какое мнение будет у отдела снабжения и сбыта? Вы что думаете, Лазарь Львович?

– Если дело обстоит именно так, то валюту мы выьем – продукция на экспорт много значит. Только хотелось бы знать, где лежит это сокровище, это оборудование.

- Да, – подтвердил главный инженер.
- Вот именно, – съехидничала Элеонора, главный технолог.

Я щёлкнул замком портфеля, достал проспект этого оборудования и пустил по столу к главному инженеру:

- Здесь все необходимые данные.

Элеонора с кошачьей ловкостью перехватила проспект и тут же начала с ним знакомиться.

Я мысленно похвалил себя за предусмотрительность, достал из портфеля второй экземпляр и снова направил его главному инженеру. Пока все знакомились с проспектами, я продолжал объяснять:

– Выпускает это технологическое оборудование совместная австро-венгерская фирма. Раньше они существовали в одной империи – Австро-Венгерской, – так до сих пор и дружат. Качество их продукции высокое – на уровне мировых стандартов. К тому же большой плюс, что Венгрия – страна социалистического лагеря, стало быть, наш союзник. А в этом конкретном случае легче будет договориться.

– Ну прямо историк и политик! Интересно бы знать, какой проектировщик! – послышалась реплика той же Элеоноры.

Я косвенно ответил ей, достав из портфеля заполненный бланк нового проектного задания: вот, если согласны с этими данными – утверждайте, я незамедлительно начну проектирование. После небольшой паузы главный инженер сказал:

– Дело в том, что мы сначала замыслили быстро, без лишней волокиты построить цех. Раздобыли вот эту документацию, связались с вашим институтом. Ваш инженер проекта нам пообещал быстро оформить всю проектную документацию, чтобы мы могли как можно скорее начать строительные работы. В данном случае всё может затянуться на неопределённые сроки. Правда, новая ситуация чрезвычайно привлекательна – можно даже сказать, перспективна.

- Кто вам будет строить новый цех? Кто ваш подрядчик?

– Всё дело в том, что подрядчик нам не нужен. Строить мы будем сами, у нас для этого есть всё: специалисты, техника, материалы и рабочие.

- Ну, тогда никаких затруднений со строительством не будет.

- Это как же? А проект?

– Об этом я своевременно побеспокоюсь: будем вести проектирование и строительство одновременно.

Тут даже Элеонора не нашлась, чем бы меня уязвить.

Я прибавил убедительности в голосе:

– Через неделю я предоставлю вам чертежи на нулевой цикл, а также установочные чертежи фундаментов под оборудование. А пока вы будете выполнять эти работы, получите чертежи на другие монтажные работы: стены, кровлю и на всё прочее. Ко времени приёмки вашего нового цеха государственной комиссией на вашем столе будут лежать пухленькие экземпляры с проектной документацией, выполненные по ГОСТу Государственным проектным институтом и согласованные со всеми инстанциями. Все вопросы, я думаю, будем решать оперативно.

Мы ещё немного поговорили, и машина главного инженера резво вернула меня на моё рабочее место.

Глава 7. Проект цеха – в работе

Я отдал новое проектное задание главному инженеру проекта. Это его сильно порадовало, даже взволновало. Видимо, заказчик ещё при первом своём посещении обещал ему премиальные. Главный инженер сразу же подключил к этой работе Олега – как наиболее сильного специалиста. А чтобы ускорить процесс работы над проектом, попросил меня все задания смежным отделам приносить лично ему. А уж он их сам будет выдавать начальникам отделов, чтобы они не складывали их в долгие или дальние ящики.

Рапидографом в работе я уже владел, как китаец палочками. Преподаватель черчения всегда отмечал мои работы. Он прикалывал их к доске и чуть ли не носом тыкал нерадивых и неумелых чертёжников: вот так нужно чертить, вот так – и не иначе!

Так что общие чертежи, чертежи узлов и деталей слетали с чертёжной доски моего кульмана, как блинчики с хорошо смазанной сковородки, и вскоре, размноженные на «Эре», отправлялись на стройку. За ними по моему звонку тут же являлся курьер, а именно тот инженер-технолог. Так что рабочие чертежи строители получали своевременно, даже иногда раньше оговорённого срока. Правда, надо отдать должное и строителям: они работали, невзирая на погоду. Вскоре все рабочие чертежи были выданы строителям, и бюро оформления стало готовить экземпляры окончательного проекта. Так что последний визит курьера: распишитесь и получите ваш проект!

Моя удачная командировка в Киев за новым типовым проектом подтолкнула на подобные командировки и в другие НИИ. Теперь стали посылать в командировки других сотрудников техотдела, ибо я был выше головы загружен на основной работе. Так уж получилось, что ни одна из последующих командировок не была удачной. Им или совсем отказывали в наличии такого проекта, или же предлагали совершенно не то, что требовалось. Одним из таких командированных был наш сотрудник Юра. Когда Брандорф объявил ему, что тот поедет в Кишинёв, все явно позавидовали Юре.

А Юра потом рассказывал:

«Вышел я в Кишинёве из поезда рано утром, пошёл пешком, так как не знал, куда и на каком транспорте ехать».

(Надо заметить, что у Юры были больные почки, а тут ещё поезд, вагон, дорога...)

«Наверно, вид у меня был не очень, – признавался Юра. – Тут за мной увязалась цыганка – хотела заработать на завтрак:

– Дай, дорогой, я тебе погадаю!

Я не вступал с ней в разговор. Иду себе да иду. Цыганка шла за мной, шла, да споткнулась – зацепилась своей длинной юбкой. Видя, что клиент уходит, она крикнула вдогонку: „Дай хоть скажу, как твою вдову зовут!“».

Так что из командировки Юра привёз одно разочарование. Зато рассказ его развеселил всех.

Глава 8. Мои сотрудники

В технологическом отделе были две Гаи.

Одна из них – Галя Манойленко. Как-то раз зазвонил телефон. Я проходил мимо и поднял трубку. В трубке послышался детский голос: «Позовите маму Манойленко!». Я только повторил: «Маму Манойленко». С тех пор её так и стали называть – так она и вошла в анналы института под именем «мама Манойленко».

Однажды эта «мама Манойленко» пришла на работу в новом, только что сшитом пальто. Все стали расхваливать обновку. Я, среагировав на эти возгласы, выглянул из-за кульмана. Что меня дёрнуло за язык – во всяком случае, дурного я не хотел, я просто сказал: «Такого цвета был сюртук на Наполеоне». Больше в этом пальто на работе Манойленко не появлялась.

Как-то раз перед обедом, когда доминируют мысли о еде, я громко вспомнил, как приятно после съеденного салата из помидоров со сметаной похлебать оставшийся сок. Тема, которую я затронул, была очень актуальна в данный момент. Все наострили уши, стало обильным слюноотделение. Но была зима, и помидоров в те времена торговая сеть не предлагала совсем – из-за их полного отсутствия.

Немного помолчав, я продолжил: «Но ведь в магазинах сейчас полно томатного сока, сметана в продаже имеется тоже, так же, как и свежий бородинский хлеб. Если смешать томатный сок со сметаной, посолить и всё это со свежим бородинским хлебом...»

В одиннадцать часов отпускалось время на производственную гимнастику, так что многие, схватив волейбольный мячик, выбегали на улицу, становились в кружок, прыгали, хлопали по этому мячу и, размявшись, снова заползали за свои кульманы. Был среди них и я. Когда я вернулся с гимнастики, то увидел на своём столе стакан, наполненный посоленным томатным соком со сметаной, а сверху лежал кусок свежего бородинского хлеба. Лукавые взгляды моих сотрудников были направлены на меня.

Мне ничего не оставалось, как громко выразить своё восхищение, удовлетворение и огромную благодарность. С тех пор такое лакомство стало чуть ли не традицией. Мало того – и остальные отделы это заметили, украли рецепт, переняли эту технологию и стали обирать все ближайшие магазины, где только имелись томатный сок, сметана и свежий бородинский хлеб. Торговля даже переполошилась – в чём дело, но, чтобы не плодить конкурентов, их любопытство удовлетворено не было.

В сантехническом отделе не пил томатный сок только начальник отдела Сулимов. Он страдал хронической язвой и каждый год ездил в санаторий для её лечения. Можно представить, какие нравственные мучения испытывал Сулимов, когда весь его отдел, сладострастно чавкая, поглощал подсоленный томатный сок, размешанный со сметаной, с горбушечкой свежего бородинского хлеба! В конце концов это пошатнуло волю Сулимова. Один раз он, нервно хихикнув, протянул свою чашку: налейте и мне!

– Так у Вас же... – возразили ему.

– А, будь что будет!

Когда в очередной раз перед получением путёвки в санаторий Валера Сулимов прошёл обследование у врача-гастроэнтеролога, тот сказал ему, что язва полностью зарубцевалась, – даже следов почти не видно.

Глава 9. Запуск нового цеха

Прошло какое-то время. За рутинной работой я даже думать забыл про тот цех с австро-венгерским оборудованием, за применение которого я так горячо ратовал, как однажды вошёл, даже почти вбежал главный инженер этого проекта и радостно сообщил, что получено приглашение на государственную приёмку, торжественный запуск этого нового цеха. Весь этот монолог, естественно, был обращён к Брандорфу, как к начальнику технологического отдела. Брандорф явно обрадовался такому обороту дела и тут же проявил великодушие:

– Спасибо за приглашение, но я поехать не могу, вместо меня поедет, – он указал на меня, – проектант этого цеха.

Никто возражать не стал, и мы с главным инженером проекта влились в комиссию по приёмке и пуску этого цеха.

Там, где были представители фирмы, слышалась немецкая речь, точнее – её австрийский акцент. Я, пока работал над проектом, неплохо ознакомился с технической терминологией именно на немецком языке. А так как я не забыл разговорную немецкую речь, то обратился к одному из представителей фирмы на его родном языке, минуя переводчицу, которая, по моему мнению, трудно (я бы даже сказал, неквалифицированно) переводила русско-немецкую и немецко-русскую речь. Фирмач, явно уставший от этой переводной беседы, как-то сразу оживился и очень дружелюбно заговорил со мной. Переводчица сразу же отстала от нас, явно довольная, что ей дали возможность хоть немного отдохнуть от этой технической тарбарщины.

Все, кто находился рядом, особенно главный инженер проекта, издали только одно междометие: «О-о!». Так что я на некоторое время стал переводчиком.

Вдруг по громкоговорящей связи объявили, что подошло время пуска нового цеха. У пускового пульта уже стояли главные члены комиссии. В центре, возле самых рычажков, находился самый почётный член, который должен был включить технологическую линию. Нетрудно было догадаться, что на эту роль избрали красавицу Элеонору. Она прямо как царица бала: стояла гордая, нетерпеливо ожидая, когда ей подадут сигнал к действию. И вот она повернула один рычажок.

В полной тишине раздалось тихое шуршание, попискивание, зажглись по всей линии разноцветные табло, мониторы, дисплеи...

На многих из них появилась надпись на немецком языке: «Achtung!». Немного покрасовалась, а затем её сменила надпись на русском языке: «Внимание!».

Элеонора повернула более крупный рычаг. Появился низкий, всё нарастающий гул, и вся технологическая линия вскоре задвигалась, заработала. Цех получился ни большой, ни маленький – средних размеров, – но очень плотно насыщенный различной техникой, которую понукала к работе электроника. Само оборудование было ярко окрашено и от этого выглядело неправдоподобно празднично. Соответствующей была и людская реакция. Слышался шёпот: «Представляешь, она даже сама продукцию упаковывает!» Про основной агрегат уважительно говорили: «Такая громадина, а работает тихо. От „нашего“ тут было бы хоть уши затыкай!».

Вскоре членов комиссии пригласили на банкет. Мы с главным инженером данного проекта тоже оказались в этом списке. К тому же нам вручили конвертики – разумеется, не с поздравительными открытками. Ко мне подсел уже знакомый представитель фирмы и предложил выпить на брудершафт. Все тут же поддержали эту инициативу. Особенно все лезли с такими предложениями к Элеоноре, и она на многих щеках оставила следы своей губной помады. Потихоньку стали расходиться. Собрался и я уходить, и в это время ко мне подошла Элеонора:

– У Вас не найдётся сигареты?

Я достал пачку, ловко выстрелил сигарету и подал ей. Она взяла сигарету из пачки. Я, как фокусник, щёлкнул зажигалкой и дал ей прикурить.

– Я смотрю, Вы всё делаете как-то особенно ловко, – похвалила меня Элеонора. – Я, правда, не курю, но иногда балуюсь, особенно когда нахожусь среди курящих мужчин, – оправдывалась она. Окутав себя дымом, она продолжила: – Я хочу извиниться перед Вами за своё поведение. Уж очень я хотела построить новый цех! И так быстро свыклась с мыслью... – тут она остановилась. Потом опять продолжила:

– Я только теперь представляю, какое бы убожество получилось из моей тогдашней затеи! Но беда даже в другом: я бы даже не предполагала, как это всё может быть по-другому, вот так, как получилось теперь, в реальном, новом красавце-цехе.

Я курил, не перебивая её.

– Заранее прошу извинить меня за откровенность, – продолжала Элеонора, но мне кажется, что Вы со своими способностями засиделись на своей проектной работе. Вам нужен большой простор, размах для деятельности. Для приложения Вашей энергии даже стать начальником цеха было бы теперь как минимум более достойное приложение Ваших сил...

Тут монолог Элеоноры прервали подошедшие мужчины.

– Подумайте над моим предложением! – вскинулась она вдогонку.

– Значит, это было предложение, – размышлял я по пути домой.

Глава 10. Командировка в Москву

Модернизация, субсидируемая Госпланом, стала чуть ли не тотальной. Материально поощрялось внедрение новой техники, особенно импортной. Так что почти все типовые проекты, слепленные в НИИ, оказались устаревшими. Когда заказчик приносил проектное задание, с учётом внедрения применения новой техники, типовых проектов на этот случай найти было невозможно. На индивидуальное проектирование не хватало соответствующих специалистов. Особенно это касалось технологов. И если наше отделение (не без гордости скажу: в моём лице) справлялось с этой задачей, то головной государственный проектный институт в Москве явно задыхался от недостатка специалистов-технологов.

Главный инженер проекта, часто ездивший в командировку в Москву, расхвастался, какой он спроектировал новейший цех. Там сразу же заинтересовались, затребовали нашу разработку, а так как страна великая, то этот проект стали привязывать во многих регионах страны. Помимо всего прочего, начальник головного технологического отдела полюбопытствовал насчёт технолога-разработчика этого нового проекта. Так что очень скоро головной институт затребовал меня к себе в командировку.

Если в нашем отделении проектного института простора в помещениях не было, то в Москве в головном институте теснота была почти такая, как в общем вагоне. Правда, для меня постарались. Я даже мог пробраться к отведённому мне рабочему месту не по головам сотрудников. Кульманы были отдельные для каждого, а стол был один на двоих. Мне, правда, и стол дали единоличный, что породило некоторое ворчание коллег. Я обратил внимание, как работали эти коллеги, и даже удивился. Как-то уж повелось, что москвичи передовые. Некоторые чертили на миллиметровке, но в основном у всех был приколот ватман.

Самые передовые чертили карандашом на карандашной кальке. Так что на мой стол положили ватман и карандашную кальку. Я тут же попросил дать мне кальку для черчения по ней тушью. Это всех удивило.

– А мы такую не держим-с, – и добавили с некоторым превосходством: – это только там у них, у копировщиков.

Я не поленился – сходил в копировальный отдел. Там работали в основном девочки. Увидев довольно модного молодого человека, все как по команде подняли головки от своих копировальных досок. Я с наигранной весёлостью поприветствовал их всех, а они в ответ порозовели от деланного смущения.

– Пока фургон с моими вещами, в том числе с калькой, не доставил мне всё это, – начал я немного развязанно, – не могли бы вы мне сделать одолжение? Я имею в виду кальку – такую, на которой работаете вы.

Одна из девушек показала на рулон кальки и предложила отмотать, сколько мне надо. Но тут другая вышла из-за своего стола и протянула мне целый рулон кальки:

– Вот, пожалуйста, возьмите себе весь рулон.

Я так умилился, что едва ли не схватил в охапку и не расцеловал эту, добрейшей души благодетельницу! Подружки позавидовали её находчивости.

Встав за свой кульман, я медицинским скальпелем отрезал от рулона необходимый формат кальки, положил на стол пенал с рапидографами, достал нужный и принялся за работу. С проектным заданием я уже предварительно ознакомился, как и с теми материалами, которые были приложены к нему заказчиком и также главным инженером проекта. Понятно, что я, как новенький, стал центром притяжения к себе внимания. А интересовало их всё, особенно то, как я работал. Прошло фантастически малое время, как я положил на стол готовый чертёж. Такого здесь никогда не было – во всяком случае, они такого никогда не видели. Я приколот новый лист кальки и пошёл покурить.

Когда я вернулся, то мой стол был окружён моими новыми коллегами. Их лица выражали недоумение, как у миклухо-маклаевских папуасов. Они разглядывали красиво исполненный чертёж.

– Прямо фабричная работа! – сказал кто-то.

Некоторые взяли в руки рапидографы, разглядывали их, пытаясь понять, что это, для чего это и как это. Посторонились, пропустили меня на моё рабочее место, а сами на своё не пошли – стали следить за моей работой. Тут уж мой гонор широко развернулся – вдаль и ввысь! Я, как художник за мольбертом на многолюдной площади, дал мастер-класс. Ловкими быстрыми и точными движениями, меняя рапидографы, так что можно было залюбоваться, я стал выполнять чертёж.

Впоследствии наиболее продвинутые коллеги пытались работать рапидографами, одалживая на свой эксперимент мои, но прав был Гриша, что это не каждый сможет. Так что, испачкав тушью кальку несколько раз, рапидографы мне возвращали, смущённо оправдываясь: ничего не получается.

Правда, я не очень поощрял их к этому занятию, поскольку всегда понимал, что у каждого должно быть всё личное, индивидуальное. И желал, чтобы это понимали и другие. Короче говоря, я никогда не разделял колхозных инстинктов.

Однажды я услышал негромкий разговор:

– А что, там все такие, как этот?

– Да, нет, я там бывал не раз – все там такие же, как у нас.

– Странно даже! А где они взяли этого?

Тут я заворочался за кульманом, и разговор прекратился. Мне показалось, что речь шла обо мне.

Глава 11. Затянувшаяся командировка

Мне очень понравилась библиотека головного института. По заранее сделанным заявкам сюда регулярно поступали технические новинки. А поскольку я научился пользоваться ими, то мне было легко ориентироваться в потоке технической информации. Библиотекарьша добродушно поощряла моё усердие в этом занятии. Так что, получив проектное задание, я очень быстро набирал технологическое оборудование и своевременно выдавал задание смежным отделам – в первую очередь, конечно, строителям. Мне предоставили место в общежитии, и когда моя командировка затянулась, комендант этого общежития заявил мне о необходимости временной прописки.

Для этого он потребовал паспорт. Так в моём паспорте появилась отметка о временной прописке на полгода и – что немаловажно – в Москве. Первое время меня ещё отпускали к Брандорфу, где я, как пожарная команда, разбираю завалы в работе отдела, но очень скоро работа в головном институте уже не позволяла мне отвлекаться даже на короткое время. Это был настоящий бум в строительстве, а стало быть, и в проектировании. Несмотря на то, что в самой Москве были десятки проектных институтов от различных министерств, везде стали собираться очереди на проектирование от небольших заводов и фабрик до огромных промышленных комбинатов и баз.

Главные инженеры проектов, разумеется, давали проектные задания не только мне, но и остальным сотрудникам технологического отдела, и всё-таки самые сложные ложились на мой стол. А когда проектное задание, выданное другим сотрудникам, затягивалось или исполнялось некачественно, начальник технологического отдела как-то умильно просил меня разобраться. Он показывал мне уже сделанные наработки. Презрительно взглянув на эту клинопись, я просил у начальника дать мне проектное задание, ознакомившись с которым я быстро проделывал предварительные работы, делал расчёты, выдавал смежным отделам задания. Короче, работы было выше крыши.

Я часто задерживался после работы, попросил начальника отдела похлопотать, чтобы мне предоставили допуск на рабочее место даже в выходные дни. У того выхода не было – он всё это организовал, отбиваясь от болезненных наскоков профсоюзных деятелей. Однажды по пути на работу меня перехватил комендант общежития – лицо по тем временам очень ответственное. Надзор за населением в то время был основательный.

– Я заходил к тебе несколько раз, мил человек, но тебя дома не было. Где гуляешь?

– Нахожусь я с утра до ночи на работе. Так же и в выходные дни, почти всегда. Можете уточнить у моего начальника, – устало отговорился я и более миролюбиво добавил: – Работой завали выше крыши – индустриализация, модернизация, сами понимаете. Материалы съездов, я думаю, для вас не пустой звук.

– Я понимаю, и не только это, а что у тебя срок прописки истёк.

– Так вам паспорт нужен, чтобы продлить эту прописку?

– Я вот что скажу тебе: если у вас там работы много – специалист ты, как я вижу, для них очень ценный, – пускай дадут на тебя отношение на постоянную прописку. А штемпелевать твой паспорт временной пропиской никто не позволит.

На работе я поговорил с начальником отдела – тот куда-то сходил и принёс мне бумагу.

– Вот отношение. Передашь коменданту – он всё сделает. И ни о чём не думай, зацеливайся только на работе. Кстати, со следующего месяца я повысил тебя в должности – стало быть, и твой оклад.

Глава 12. Новый житель Москвы

Где-то примерно через неделю вечером ко мне постучал и вошёл комендант. Достал из портфеля мой паспорт, шлёпнул им по столу.

– Вот рядом с этим паспортом москвича и должны стоять наборы с угощением! – как-то очень торжественно произнёс он. Сказать, что у него в это время ни в одном глазу ничего не было, было бы неверно.

– Ну уж, за мной не заржавеет! – ответил я и рядом с паспортом поставил «Наполеона», заблаговременно приобретенного мной у Елисеева.

Накопилось много тостов. Но самый первый и самый важный – за меня. Комендант произнёс: «За новоприобретенного москвича!».

Время шло, и вскоре эти перегрузки перестали наваливаться на меня.

Мои коллеги сверкали из-за кульманов всё усиливающимися диоптриями. Вместо одной к потолку прикрепились ещё две линии светильников. Когда я заходил в просторный, ярко освещённый зал гастронома, я завистливо восклицал: «Вот где должны стоять кульманы и чертёжные доски!».

Как бы опомнившись, заторопились, заработали всевозможные НИИ, СНИИ, учитывающие применение технологий новейшего своего и зарубежного оборудования. Стали выстреливать новейшие типовые проекты. Не раз я наблюдал и свои собственные разработки, привязываемые к разным объектам в разных местах страны. И в душе тихо гордился этим.

Так или иначе, многочисленные проектные институты стали приходить в себя и по старой привычке ловко привязывали новые типовые проекты. Все повеселели. Я почувствовал, что нужда в индивидуальном проектировании стала очень быстро ослабевать. У меня стало появляться больше свободного времени, а поскольку я получил статус москвича, то теперь был уж не гость столицы, а её хозяин. Пользуясь этим правом, стал посещать и изучать достопримечательности Москвы.

Как-то раз я прогуливался по Нескучному саду и, проходя мимо одной скамьи, услышал очень знакомый голос. Так как я считал, что разглядывать посторонних людей, тем более внимательно, выглядит нескромно, то прошёл мимо этой скамьи, оглянулся, повернулся и медленно пошёл обратно. И когда я вновь проходил мимо, то услышал сдержанный от нерешительности голос, который назвал моё имя. Точнее – прозвище, которое я носил в студенческие годы. Я остановился, повернулся и увидел сидевшего на скамейке своего бывшего однокурсника Бориса Лебедева.

Друзья Бориса сразу же ушли, чтобы не мешать нашей бурной встрече, которую мы продолжили в кафе. Несмотря на сумбурность беседы, вскоре выяснилось, что однажды Борис приехал в Москву с целью «отремонтировать» свой нос, половину которого ему оторвало на преддипломной практике в шахте. В этом месте я похвалил:

– Да, нос тебе сделали отлично! Незаметно совсем.

– Ну так вот, – в свою очередь продолжал Борис, – не поленился, наведалься в Горный институт – там, кстати, была вакансия в аспирантуру, куда я тут же поступил. В это время один из НИИ Академии наук перевели по профилю в министерство угольной промышленности, так что сразу после окончания аспирантуры мне предложили там должность заведующего лабораторией, где теперь я и работаю. Защитил докторскую.

– Ну, Боря, у меня даже голова закружилась от твоего восхождения по карьерной лестнице!

Я рассказал Борису о своих скромных успехах в жизни.

– Ну, нет, старичок, – утешил меня Борис, – тебе, как будущему литератору, это только на руку, всё это тебе должно пригодиться. Я не удивлюсь, если на страницах беллетристики, автор которой – мой друг, промелькнёт и моё имя, простого академика!

Мы подняли бокалы, посчитав, что это очень удачный тост.

– Слушай, а почему бы тебе не перейти на работу в наш институт, в мою лабораторию? У нас, как и везде, много рутинной работы, но при живом уме, как у тебя, можно будет отыскать и что-нибудь интересное.

Меня уже и самого тяготило это настоящее, и если что тормозило, то только жилищный вопрос – бытовая сторона, так сказать. И всё это я изложил Борису.

– Да, – притормозил свои восторги Борис, – здесь нужно подумать.

Мы договорились о встрече через неделю и разошлись. За последнее время в мою общежитийскую каморку стали подселять командировочных, и это стало мне напоминать студенческое койко-место. Когда мы встретились с Борисом через неделю, он, немного смущаясь, сказал, что отдельной квартиры пока что нет. Но тут же предложил:

– А вот ордер на комнату в трёхкомнатной коммунальной квартире светит тебе хоть сейчас.

Глава 13. С Ленинградского на Ленинский

Тут нечего и думать – я согласился. Так что спустя кратчайшее время я переместил свои скудные пожитки с Ленинградского проспекта на Ленинский – как говорится, «пошёл по ленинскому пути». Помимо помещений в самом институте, где размещалась лаборатория Бориса Лебедева, имелся в Подмосковье и завод, где разработки изделий превращались в приборы, агрегаты, аппараты и после удачного внедрения в промышленность начиналось их серийное изготовление.

Борис положил передо мной стопку тем для разработки и предложил по своему вкусу выбрать что-нибудь. Осмотревшись, я перелистал эти темы и остановился на бытовой печке, работающей на угольной мелочи, для внедрения её в слаборазвитых районах, где нет газа, дров, туго с электроэнергией, но где имеется уголь или куда его можно доставить без проблем. Особенно уголь некондиционный, а сильно измельчённый – короче, угольная пыль, которую шахтёры презрительно называют штыб. Борис прокомментировал мой выбор как перспективный. И добавил, что, по его сведениям, разработкой такой печки занимаются болгары. А это значит, что наша печка может быть востребована и на экспорт.

Поселившись на новом месте, я стал ходить на работу пешком, а именно по Ленинскому проспекту, в середине которого была очень уютная пешеходная дорожка, обсаженная кустарником. Транспорт мчался в разные стороны слева и справа, но сильной загазованности не было. Таким способом я нанёс мощный удар по гиподинамии, которая попыталась разлагать мой организм при весьма малоподвижной работе в проектной институте.

С работы я также шёл пешком, по пути заглядывая в магазины. Окно моей комнаты выходило в большой, но достаточно уютный двор, засаженный пышной зеленью. Поскольку окно было сориентировано на юго-запад, то с обеда до вечера в комнате было очень светло и солнечно. В других двух комнатах жили разные соседи. В одной из них очень часто сменялись жильцы, другая же отличалась абсолютным постоянством.

– Как её сюда заселили, так она здесь и живёт, – подчёркивала соседка, хвастаясь своим ветеранством.

По виду это была несимпатичная, крупногабаритная баба. Часто мне приходилось просыпаться (особенно в выходные дни, когда была возможность понежиться и подольше поспать) от её зычного крика, оснащённого отборным матом. У её оппонента, другого соседа, голос был тонкий, визгливый, и оттого его матерщина казалась менее убедительной.

Так они «лаялись», начиная с кухни и мест общего пользования и далее – по коридору вплоть до дверей моей комнаты. Я дал себе слово: ни в коей мере не вмешиваться в эти базарные склоки, а держать как бы шведский нейтралитет. Эти воюющие стороны заискивали передо мной, стараясь заполучить во мне уж если не союзника, то хотя бы мою лояльность. Так я реально познакомился с действующими лицами коммунальных склок.

Соседи очень любили рассказывать о себе. Я же ничего о себе не рассказывал, да им это и не надо было. Мужичок-сосед был в разводе и разъезде, то есть в размене бывшей жилплощади. Соседка только что получила пенсионное удостоверение, а от работы в подарок – большой альбом с фотографиями. Работала она грузчиком в типографии – катала к резательной машине полуторатонные рулоны бумаги.

«Так вот откуда этот изошрённый мат! – мысленно подумал я. – Так вот где использовалась её физическая мощь!» Советская пропаганда все уши прожужжала миру о полной грамотности советских граждан, но в том, что это неправда, я убедился на конкретном примере.

Моя соседка-пенсионерка, работавшая грузчиком в типографии, не умела ни читать, ни писать. И что самое интересное – не испытывала в этом никакой нужды. А её зычный голос, сдобренный матом, не позволял в этом усомниться. Как бы то ни было, но первое время меня

такое соседство не тяготило. Как-никак, у меня был свой угол, своя комната, причём не где-нибудь, а в самой Москве, столице нашей Родины, а эпитет «коренной москвич» звучал чуть ли не как «их благородие» – как звание, как титул. Планка среднего культурного уровня москвича была очень низкой. Основная масса этих «коренных москвичей» в лучшем случае была во втором поколении, и культура их мало интересовала. Они чванливо, со значением, как-то панибратски называли: «Третьяковка», «Кремлёвка», чтобы не отличались от них «Сёмка, в быту Шлёмка» и т. д. Я же, «наголодавшись», набросился на культуру во всех её ипостасях, со всей своей энергией и ответственностью. На моей теперешней работе не было нужды перенапрягаться, суетиться. Рамки всевозможных планов были размыты. А то как же – работа творческая. Это тебе не у станка, не у сохи! Здесь тонкая мозговая деятельность. Тут с налёта, с наскока ничего не получится – здесь нужен талант особый.

Я быстро сделал расчёты пяти вариантов печки на угольной мелочи, а также эскизы общего вида к ним, и стал не спеша конструировать отдельные узлы, детали механизмов.

Лебедев, видя моё усердие, явно не поощрял его: не спеши и не суетись – здесь это не принято, больше отрывайся на посещение технических библиотек, выставок, которые постоянно проводятся в Москве. Чтобы не быть голословным, он сам посещал их и часто приглашал меня. Так мы с ним посетили болгарскую выставку, где болгарские конструкторы экспонировали печку на угольной мелочи. Солидный болгарин – конструктор этой печки – демонстрировал желающим увидеть её работу. А его помощница очаровывала немногочисленную публику имитацией приготовления различных блюд.

Один из любопытствующих, сильно грассируя, спросил: «Можно на этой печке опалить курицу?». Деловитая болгарка даже вздрогнула от такого вопроса, смутилась и очень сильно покраснела. Как потом выяснилось, слово «курица» на некоторых славянских наречиях обозначает интимное место у женщин. Следуя совету Лебедева – а он теперь был мне не только друг, но и начальник, – я приходил на работу к положенному времени, отмечался в журнале, общался со своими коллегами в лаборатории. Отдохнув на рабочем месте и сделав отметку в журнале, отправлялся на приглянувшуюся мне выставку.

Так, впрочем, поступали многие. И, если я, заглянув на эту выставку, мог посетить ещё и музей, то женщины на другой день, шушукаясь, демонстрировали свои обновки.

– Ну не стоять же в очередях с приезжими! – презрительно оправдывались они.

Такое положение дел явно всех устраивало. В коллективе никогда не случались ссоры – всё разрешалось мирно, дружелюбно, доброжелательно.

Прошло не так уж много времени, а в Третьяковской галерее я уже знал все демонстрируемые картины «в лицо», и если бы не бахилы на моих ботинках, то меня вполне можно было бы принять за работника картинной галереи. Я по-хозяйски расхаживал по залам, раскланивался со знакомыми сотрудниками галереи. Они заранее предупреждали меня, где, что и когда будет демонстрироваться новенькое или из запасников.

В киоске галереи я приобретал репродукции отдельных картин, с завистью поглядывая на валютные альбомы, пока однажды, осмелившись, не спросил: «А если перевести стоимость на рубли, сколько это будет?». Названную сумму тут же положил перед киоскёршей и, не надеясь ни на что, тут же получил альбом, роскошно выполненный за рубежом. Придя домой, я обстоятельно ознакомился с содержанием альбома, полюбовался высококачественным офсетом с искусствоведческими комментариями к картинам. Тихо радовался. Это что касается Третьяковской галереи и живописи.

Не оставил я «камня на камне» и в московских музеях. Правда, я никогда не жаловался, что там ничего трогать руками нельзя, так, как и не имел подобного желания, хотя у многочисленных посетителей оно было, и они даже запрыгивали за канатный барьер, чем возмущали блюстителей порядка.

Прослушал и пересмотрел я и весь репертуар Большого театра – разумеется, по валютным тарифам.

Самым же любимым домашним театром для меня стал Малый театр. Я ещё застал там немногих «актёров-аристократов», как их называла просвещённая публика.

Так что Москва оправдала все мои надежды. Не зря я так в нее стремился!

Глава 14. Командировка в Донецк

Всегда что-нибудь начинается со слов «как вдруг» – так было и на этот раз. Мы сидели в довольно просторном кабинете Бориса и курили. Как вдруг Борис, перебирая бумаги на своём столе, предложил мне:

– А не желаешь ли прокатиться на юг страны?

– А с какой целью? – насторожился я. – По глазам вижу, что не Крымом или Кавказом ты пытаешься меня соблазнить.

– Ещё бы – тебя разве проведёшь? Тут вот предлагается командировка в Донецк. Согласись: всё же не на Север.

– А что за надобность? – деловито, как бы соглашаясь, спросил я.

Пока Борис читал, куда и зачем, про какой-то там реактор, крекинг угля, я уже в мыслях настроился на командировку.

– Да ладно, Боб, подробностей не надо – разберусь там, на месте.

– Да я в этом не сомневаюсь, поэтому тебе и предлагаю, – Борис подал мне лист с назначением цели командировки и пункта назначения. – Иди оформляй командировку. Время не ограничено. Всё делай по своему соображению. Тема эта плановая, утверждена учёным советом, – добавил он.

Была зима, но я не стал слишком утеплять себя – какой-никакой, но это всё-таки юг – и впоследствии пострадал от своего легкомыслия.

Когда я приехал в Донецк, был уже вечер. Ехать на завод, куда я командировался, было поздно. Искать же место в гостинице, пока я ещё не определился с командировкой, тоже показалось мне преждевременным. Я спросил у проходящего железнодорожника, как бы мне здесь перекантоваться. Тот показал мне рукой на черневшее недалеко здание:

– А вот туда подойди. Это гостиница для паровозников. Но они пускают всех – за деньги, конечно.

И меня без особых церемоний пустили. Взяли мзду, привели в комнату – не очень большую, полутёмную, – показали кровать:

– Располагайся, бельё я уже здесь поменяла.

Я поставил свой портфель в тумбочку и не раздеваясь вышел.

В вокзальный ресторан мне идти не хотелось, и я спросил у стоявшего на остановке человека, есть ли поблизости приличный ресторан. Тот пошевелил пальцами: «А так, остановок через пять будет». Я поехал. В ресторане было полно народу, но официант быстро нашёл мне место, усадил и принял заказ, сразу же спросив, что я буду пить. Удостоверившись, что перед ним не абстинент, довольный, он пошёл выполнять заказ. Оркестр исполнял модную в ту время «Червону руту», и мне стало как-то тепло и уютно. Так, обласканный, я просидел некоторое время. Спустя это «некоторое время» ко мне подошёл официант и положил передо мной счёт.

– Рассчитаемся.

– Но я ещё не собираюсь уходить.

– Так мы ж и не гоним! Рассчитайтесь пока и сидите.

– Ну хорошо, – согласился я и полез за бумажником. Сунул руку во внутренний нагрудный карман, но бумажника там не было. Я в другой карман – справа, – но и там пусто. Я встал и стал проверять все свои карманы. Миротлюбивое выражение на лице официанта сменилось подозрительным и даже враждебным.

– Я, кажется, оставил бумажник в пальто, – немного смущаясь, пробормотал я, – сейчас схожу.

– А мы вместе ходим, – поддержал меня официант.

Я получил в гардеробе пальто, накинул его на плечи для удобства и начал уверенно обшаривать все карманы.

Там были перчатки, ключи от квартиры, носовые платки. Не было только бумажника, в котором были не только деньги, но и документы, паспорт, командировочное удостоверение, билеты... На лице официанта было уже несмываемое выражение злорадства.

– Идём к администратору, – приказал он.

Администратор культурно спросил:

– Где проживаете?

– В Москве, – ответил я.

– А, москаль, – протянул администратор, но тут же спохватился. – А что же Вы не платите? – он ткнул пальцем в счёт, который вежливо положил на стол официант.

Я объяснил ситуацию и сказал, что я сейчас съезжу в гостиницу и привезу деньги.

Администратор рассудил так:

– Мы уже скоро закрываемся – Вам сегодня не успеть. Оставьте залог. Привезёте деньги – получите залог.

– Что Вам оставить в залог? Костюм, пальто... может, часы? – стал перечислять я и, подняв рукав, показал часы.

– О, Швейцария! – восхитился администратор. – Вот их и оставьте.

Я снял с руки массивный металлический браслет и положил часы на стол администратора. У официанта снова сменилось выражение лица, когда он увидел эти часы. Оно стало неистребимо алчным. В гостинице, присев на своё койко-место, я долго терзал свой портфель. Бумажника, как говорится, и след простыл.

Провалившись без сна до рассвета (времени я не знал, так как часы были в залоге), я зашёл в отдел милиции вокзала. Объяснил всё там. Чобы я от них отстал, они мне даже очень сочувственно посоветовали обратиться в городское отделение милиции.

– Там у них охват шире нашего.

Я так и сделал. Объяснил городскому дежурному милиционеру. Тот дал мне лист бумаги (авторучка моя была при мне) и написал подробное заявление. Что и как, когда и почему.

– Теперь можете идти, – выпроводил меня дежурный, – заходите к нам – может, и повезёт. Иногда документы подбрасывают.

По правде сказать, в нынешней ситуации идти мне было некуда и незачем. Явиться на завод без командировочного удостоверения я не мог – как говорится, без бумажки я был хуже букашки. Оказавшись в такой ситуации, я понял, насколько человек жалок и беззащитен без этих бумажных и картонных изощрений времени! Я вышел на улицу и только тут понял свой промах с одеждой, когда собирался в командировку в южные края. А ведь это были бескрайние донецкие степи, где северо-восточный ветер, который местные называют «бора», разгоняется так, что даже при не очень лютом морозе пронизывает всё тело насквозь. А тут ещё бесснежие, промёрзшие камни сами источают лютый холод, а чистейшее небо и ярчайшее солнце только подчёркивают этот ледяной холод. Да, в такой переплёт я, можно сказать, попал впервые, но зато основательно и бесперспективно.

Прячась за домами и ненадолго заходя в магазины или подъезды, чтобы погреться, я добрался до гостиницы. Когда я проходил по вестибюлю мимо дежурной, та окликнула меня: «Если ещё собираетесь ночевать, то оплатите ещё за сутки». В вестибюле никого не было, и я чистосердечно покаялся, объяснив ей, в чём дело. На бродягу или забулдыгу я похож не был, определила дежурная и, хотя и с неохотой, разрешила мне переночевать и сегодня.

– А там уж – сам понимаешь.

Так что на другое утро, взяв свой портфель, я навсегда покинул эту привокзальную гостиницу. Так же перебежками я добрался до отдела городской милиции. За столом сидел другой дежурный, и я ему кратко объяснил суть дела и цель моего визита.

Тот обследовал свою картотеку:

– Ваша фамилия, имя, отчество?

Я назвал. Тот внимательно посмотрел на меня и положил передо мной на стол паспорт.

– Это Ваш паспорт? – почти утвердительно сказал дежурный.

Сердце радостно встрепенулось.

– Да, это мой паспорт.

Тогда офицер шлёпнул передо мной на стол мой бумажник:

– Проверьте содержимое, документы, которые там наличествуют.

– А, здесь всё, кроме денег.

– Сколько я здесь служу – деньги ни разу не подбрасывали. Забирайте свои документы, распишитесь, и желаю Вам удачи!

На главпочтамте я долго корректировал текст телеграммы, чтобы хватило мелочи, которую я наскрёб во всех карманах. И вот что у меня получилось в итоге: «Борис, срочно вышли икс рублей на главпочтамт до востребования». Ну очень лаконично!

После телеграфа я поехал на завод. Пока оформлял командировку, наступил очередной вечер. Я обратился к заведующей кадрами, оформлявшей мою командировку, причём с такой непринуждённой весёлостью: сейчас уже поздно – в гостиницу вряд ли придётся пробиться, нет ли у Вас возможности на ночь приютиться?

Она приняла мою наигранную весёлость всерьёз, позвонила куда-то, показала, куда мне подойти, где спросить коменданта, который всё устроит. Я так и сделал. Нашёл коменданта, который повёл меня тёмными закоулками здания. Он открыл дверь, которая не закрывалась, не отпиралась и вообще не имела замков, пустил меня в большую комнату, больше похожую на складское помещение. Тут находились столы, перевёрнутые на них стулья, облезлые диваны, на один из которых указал мне комендант:

– Вот, располагайтесь.

Он щёлкнул выключателем – света не было.

– А, лампочка перегорела; ничего, здесь из окон и так светло.

И вправду, за окном болтался фонарь. Я поблагодарил коменданта, сказал что-то вроде, что и отец родной меня лучше бы не устроил на ночлег. Нагулявшись за день на очень свежем воздухе, я, не раздеваясь, в пальто, положив под голову свой портфель, сразу же отключился от реальности.

Было уже позднее утро, когда я проснулся и вышел на улицу. День был воскресный, на заводе шевелений почти не было. Так что и мне делать было нечего. Тогда я, уже по привычке, пешком, перебежками направился к главпочтамту – разумеется, ни на что не надеясь, но это имело хоть какой-то смысл моего времяпровождения. Добравшись до главпочтамта, я сунул в окошечко свой паспорт:

– Будьте любезны, посмотрите, пожалуйста, нет ли чего-нибудь для меня?

Та, быстро сориентировавшись, сунула мне в окошечко обратно мой паспорт и с ним бланк: заполняйте. Можно сколько угодно живописать моё состояние, но понять его может только тот человек, который всё это испытал. Во-первых, я оценил реакцию или реактивность Бориса, организовавшего присылку мне денег в самое наикратчайшее время. Прошло уже несколько не дней, а несколько полновесных суток с того злополучного происшествия в ресторане, где я поужинал, как у меня во рту не было маковой росинки не только еды, но и воды. Но что делать, я опять поспешил в этот ресторан – даже не с целью столько пообедать, сколько выручить свой залог – швейцарские часы.

Администратор был другой. В ответ на мой запрос он полез в ящик стола и достал оттуда чек.

– Но чек уже оплачен.

– Как? А часы мои?

Он порылся в ящике стола и достал часы.

– А вот и часы, пожалуйста.

Он положил их передо мной. Но что это были за часы! Затёртые, зашарпанные, они были прикреплены к засаленному ремешку...

– А они хоть ходят? – брезгливо осведомился я.

– Сейчас проверим, – сказал администратор и покрутил головку часов.

– Нет, не ходят. Придётся Вам нести их в часовую мастерскую, там посмотрят.

– Оставьте их себе, – и я вышел из этого заведения, где даже запах пищи вызывал у меня отвращение.

Я открыл массивную дверь лучшей гостиницы города. Тут пошла моя карта – мне начало везти. Мне даже предложили одноместный номер, который, при наличии у меня денег, не показался мне чрезмерно дорогим. В ресторане гостиницы я очень долго сидел за столом, медленно и тщательно пережёвывая пищу. Народу было немного; официантка – добродушная хохлушечка – подолгу задерживалась у моего столика, присаживалась, расспрашивала, наслаждалась сравнительным бездельем.

После моего первого ознакомления с целью своей командировки мне стало понятно, что приехал я сюда напрасно. Но в то же время приехал не зря, а чтобы доказать, что съездил я на этот завод напрасно, без всякой пользы. В конструкторском бюро завода, когда поняли, что мне нужно от них, развели руками. Никакого проекта, технической и конструкторской документации у них нет и никогда не было! Реактор для крекинга угля – это чисто выдумка технолога, которого на заводе уже давно нет, и оформлялось это как рационализаторское предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.